

УДК 81:13

DOI 10.52575/2712-7451-2022-41-1-125-133

Ромашка, василек и одуванчик как фитонимические репрезентанты образа малой родины в лирике В.А. Солоухина

Кушнир К.И.

Воронежский государственный технический университет,
Россия, 394026, г. Воронеж, Московский пр-т, 14
E-mail: ksyu.kushnir.93@mail.ru

Аннотация. Важную роль в исследовании национальной картины мира играет творчество писателей. Несмотря на многочисленность публикаций по этой проблематике, практически отсутствуют системные исследования творчества В.А. Солоухина. Целью данной работы является выявление фитонимических репрезентантов образа малой родины в лирике В.А. Солоухина. В результате исследования такие фитонимы, как *ромашка*, *василек* и *одуванчик*, в сборнике В.А. Солоухина «Стихотворения», вышедшем в 1990 году, отнесены нами к числу доминантных обозначений дикорастущих цветочных растений, что обусловлено связью творчества поэта с культурой, духовным миром русского этноса, в сознании которого отражены представления и знания народа об этих цветах, особенности их эстетического и эмотивного восприятия, индивидуально-авторские предпочтения. Полученные результаты вносят вклад в изучение творчества писателей-деревенщиков, что, несомненно, важно при проведении лингвокультурологических исследований, направленных на изучение как национальной, так и индивидуально-авторской картины мира.

Ключевые слова: фитоним, василек, ромашка, одуванчик, В.А. Солоухин, образ, лингвокультурология

Для цитирования: Кушнир К.И. 2022. Ромашка, василек и одуванчик как фитонимические репрезентанты образа малой родины в лирике В.А. Солоухина. Вопросы журналистики, педагогики и языкознания, 41 (1): 125–133. DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-1-125-133

Chamomile, Cornflower and Dandelion as Phytonymic Representations of the Image of a Small Homeland in the Lyrics of V.A. Soloukhin

Ksenia I. Kushnir

Voronezh State Technical University
14 Moskovsky prospect, Voronezh 394026, Russia
E-mail: ksyu.kushnir.93@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the meaning of phytonyms (chamomile, cornflower, dandelion) in V.A. Soloukhin's lyrics. The aim of the work is to identify the connotations associated with these plants. It was found that they are associated with the image of the motherland, emotions that the native land evokes in minds of an ordinary person. The work shows that phytonyms play an important role in the poetic picture of V.A. Soloukhin's world. Their detailed study allows a more complete interpretation of features of the artistic reality of Soloukhin's poems. As a result of the research, phytonyms such as chamomile, cornflower and dandelion, in the collection of V.A. Soloukhin's "Poems", published in 1990, are classified by us among the dominant designations of wild flowering plants, which is due to the connection of the poet's work with culture, the spiritual world of the Russian ethnos, in whose mind ideas and knowledge of the people about these flowers are reflected, peculiarities of their

aesthetic and emotive perception, individual author's preferences. The results of the research can be used to study the lyrics of V.A. Soloukhin and other village poets.

Keywords: phytonym, wild-growing flower plants, V.A. Soloukhin, image, symbol

For citation: Kushnir K.I. 2022. Chamomile, Cornflower and Dandelion as Phytonymic Representations of the Image of a Small Homeland in the Lyrics of V.A. Soloukhin. Issues in Journalism, Education, Linguistics, 41 (1): 125–133 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2022-41-1-125-133

Введение

Традиционная культура способна интерпретировать растительный мир с различных точек зрения, но предметом нашего интереса выступает использование наименований флоры в лирических текстах В.А. Солоухина. Поскольку наименование растений – важный элемент культурного кода, исследование фитонимов в творчестве отдельно взятого автора с целью разноаспектного анализа его языковой картины мира нам видится актуальным. Для В.А. Солоухина универсальность природы воплощена в растительном коде: человек одновременно выступает производным и производящим природы.

Фитонимам посвящены работы как лингвистов, так и представителей других наук, например, Феофраста, Ф.И. Буслаева, Т.Р. Писарской, Н.Е. Якименко [], Ю.А. Дьяченко, А.М. Летовой, В.В. Пазынина, Н.И. Анненкова, Е.Г. Галицыной, А. Брэм, А.Н. Веселовского, Н.Л. Дмитриевой, С. Powell [Буслаев, 1861; Веселовский; 1939; Феофраст, 1951; Powell, 1977; Анненков, 1978; Дмитриева, 2000; Пазынин, 2005; Брэм, 2010; Дьяченко, 2010; Летова, 2012; Галицына, 2015; Писарская, Якименко, 2017] и др.

Фитонимы – это «лексемы, обозначающие в прямом значении наименования всех объектов, принадлежащих к растительному миру, наименования как самих растений, так и их частей» [Писарская, Якименко, 2017, с. 88]. По мнению Ф.И. Буслаева, обращавшегося к семантике фитолексем в его трудах, касающихся истории языка, «сама номенклатура народной ботаники ведет нас в период мифологический» [Буслаев, 1861], в связи с чем, попадая в художественный текст, фитонимы влекут за собой ряд мифокультурных ассоциаций, уходящих своими корнями в глубокую древность. Данный аспект подлежит тщательному наблюдению многих специалистов-филологов [Бурмистрова, 2008; Щербаков, 2011; Летова, 2012]. Обращение к фитонимам в дискурсе лирических произведений В.А. Солоухина, на наш взгляд, является перспективным направлением, так как дает возможность выявить как общечеловеческие, мифокультурные, так и индивидуальные черты в языковой картине мира поэта и писателя, что и определяет актуальность данного исследования.

Целью исследования является выявление фитонимических репрезентантов образа малой родины в лирических произведениях В.А. Солоухина, вошедших в сборник, изданный в 1990 году, описание их специфики восприятия в русском народном сознании и творческой лаборатории автора.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования выступает фитонимическая лексика лирических произведений В.А. Солоухина. Предмет исследования – специфика наименования цветочных растений как репрезентантов образа малой родины в стихотворных текстах автора. Основными методами, используемыми в данной статье, выступают дескриптивный, метод сплошной выборки, классификации, обобщения, сопоставительный, эвристический, метод компонентного анализа. В качестве фактического материала использовались лирические тексты В.А. Солоухина, представленные в сборнике «Стихотворения», вышедшем в 1990 году.

Результаты и их обсуждение

Наше пристальное внимание к исследованию функций фитонимов в лирическом наследии В.А. Солоухина обусловлено особым отношением поэта к цветам, о котором

свидетельствуют первые строки стихотворения «Цветы»: «Спросили про цветок любимый у меня. / Вы что, смеетесь? / Будто бы возможно / Из тысячи любимейших предметов / Назвать наилюбимейший предмет» [Солоухин, 1990, с. 186]. Как видим, лирическому герою, выросшему среди разнотравья, дорог каждый цветок, без любого из них образ малой родины будет неполным. Частотность употребления наименований цветочных растений в лирических произведениях В.А. Солоухина представлена в таблице.

Наименования цветочных растений
Names of flower plants

Название цветочного растения	Количество употреблений в сборнике	Процентное соотношение (%)	
		К числу репрезентантов в группе (93=100%)	К общему числу репрезентантов (305=100%)
Дикорастущие породы			
Ромашка	19	20,4 %	6,2 %
Василек	9	9,7 %	3 %
Одуванчик	7	7,5 %	2,3 %
Кувшинка	7	7,5 %	2,3 %
Ландыш	5	5,4 %	1,6 %
Колокольчик	4	4,3 %	1,3 %
Лилия	4	4,3 %	1,3 %
Незабудка	3	3,2 %	1 %
Раковая Шейка	3	3,2 %	1 %
Купальница	2	2,1 %	0,7 %
Мак	2	2,1 %	0,7 %
Подснежник	1	1,1 %	0,3 %
Общее количество репрезентантов:	66/305	70,8 %	21,7 %
Культурные породы			
Роза	11	11,8 %	3,6 %
Кактус	4	4,3 %	1,3 %
Жасмин	3	3,2 %	1 %
Тюльпан	2	2,2 %	0,7 %
Фиалка	1	1,1 %	0,3 %
Георгин	1	1,1 %	0,3 %
Магнолия	1	1,1 %	0,3 %
Нарцисс	1	1,1 %	0,3 %
Канн	1	1,1 %	0,3 %
Гвоздика	1	1,1 %	0,3 %
Подсолнух	1	1,1 %	0,3 %
Общее количество репрезентантов:	27/305	29,2 %	8,7 %
Общее количество репрезентантов (культурные и дикорастущие породы):	93/305	100 %	30,4 %

В исследуемом сборнике фитонимы, обозначающие наименования цветочных растений, достаточно частотны и составляют 30,4 % от общего употребления. Общее количество фитонимов в этой группе составляет 93 единицы, которые мы разделили на две подгруппы: 1) дикорастущие растения»: василек, колокольчик, кувшинка, купальница, ландыш, мак, незабудка, одуванчик, подснежник, раковая шейка, ромашка; 2) культурные растения, в т.ч. выращиваемые в нашей стране как домашние: гвоздика, георгин, жасмин, кактус, канн, лилия, магнолия, нарцисс, подсолнух, роза, тюльпан, фиалка.

Тем не менее, в лирике поэта можно назвать цветы, которые наиболее часто возникают в стихотворениях, – это ромашка, василек и одуванчик.

Особое внимание В.А. Солоухин уделяет такому дикорастущему цветочному растению, как *ромашка*. Невозможно остаться равнодушным, проходя мимо ромашкового поля. Наименование *ромашка* входит в подгруппу «Дикорастущие породы», которая выступает одной из составляющих ЛСГ «Наименования цветочных растений», употребляется в сборнике 19 раз, что составляет 20,4 % к числу репрезентантов в группе, 6,2 % – к общему числу репрезентантов.

Интересна этимология лексемы *ромашка*. По мнению Н.М. Шанского, данная фитонимация является суффиксальным производным от лексемы *роман* [Шанский, 1975] или языковым освоением заимствования из ботанической латыни – *anthemus romana* – буквально «ромашка римская» [Шанский, 1975, с. 275]. П.Я. Черных, в свою очередь, отмечает, что фитонимическая лексема *ромашка* становится известна в русском языке только с XVII века: «По-видимому, правы этимологи, возводящие это слово к ботаническому латинскому термину *anthemus romana*. Слово ромашка, очевидно, произведено от роман, как например, кармашек от карман» [Черных, 1999, с. 122]. Образ ромашки вошел в сознание носителей русского языка как символ любви (на ромашке, отрывая лепестки, гадают, любит – не любит), богатства (куст ромашки, высаженный во дворе, обеспечивает везение и достаток), женской судьбы (поверья в ночь на Ивана Купалу, связанные с венком из ромашек), здоровья (целебные свойства ромашки издавна активно используются в народном врачевании) и т.д.

В связи с вышесказанным о ромашке у В.А. Солоухина, родившегося и выросшего в живописном крае, образ *ромашки* неразрывно связан с любовью и счастьем: «Так в чем оно, *счастье*? / Неужели не счастье ходить по земле босиком, / Видеть *белой ромашку*» [Солоухин, 1990, с. 275], «И вдруг / То тут, то там на ровном этом фоне / *Любовь*. / Цветы, / *Ромашки*, незабудки, Криваво-полыхающие маки» [Солоухин, 1990, с. 186]. Автор придерживается литературной традиции, связывая теплое время года с проявлением нежных, трепетных чувств, однако лирический герой испытывает эти эмоции по отношению к красоте родного природного мира, его совершенству, чему подтверждением служит автобиографическое стихотворение «Я родился»: «Умеренный географический пояс. / Иду тропинкой по тихому лугу. / Вокруг работают тихие пчелы. / *Тихие ромашки* глядятся в небо» [Солоухин, 1990, с. 223]. Здесь писатель дает читателю явный ориентир места, где провел свои детские годы: «Я родился в умеренных широтах» [Солоухин, 1990, с. 223], «Умеренный географический пояс» [Солоухин, 1990, с. 223].

Важно отметить, что В.А. Солоухин трепетно относится к деревне, красоте малой родины и комфортным условиям, создаваемым природой: он любит цветущими на *тихих* речках кувшинками, *тихо* греющим летним солнышком и январским морозом, который крепчает тоже *тихо*, его восхищает *тихий* дождик, который *тихо* шуршит по листьям [Солоухин, 1990, с. 223]. Лирический герой В.А. Солоухина с наслаждением прогуливается по тропинке, идущей по *тихому* лугу и наблюдает, как «*тихие ромашки* глядятся в небо» [Солоухин, 1990, с. 223]. Очевидно, что автор намеренно употребляет лексему *тихий*, с целью акцентировать важность размеренного, несуетного течения жизни, хрупкость и девственность природного мира, способствующего принести человеческой душе покой. Этот мотив спокойствия прослеживается и в других его лирических произведениях.

Основу олицетворения «*тихие ромашки глядятся в небо*» [Солоухин, 1990, с. 223], на наш взгляд, В.А. Солоухин почерпнул из предания, гласящего, что *ромашка* похожа на чу-

десный глаз, который видит все. Таким образом, автор очеловечивает растение, используя олицетворение. В другом стихотворении В.А. Солоухин, прибегая к образу *ромашки* при описании обиженной девочки, использует противоположный прием – деперсонификацию: метафора *большая свежая ромашка*, в начале строфы используемая для описания белого фартука девочки, в конце строфы соотносится с образом девочки, которую мальчишки «довели до горьких-горьких слез» [Солоухин, 1990, с. 171]. Здесь автор обращается к теме детства, с которой традиционно связываются хрупкость, аккуратность, беззащитность и невинность, не зря фартук, как лепестки *ромашки*, белого цвета, а этот колорит традиционно ассоциируется с невинностью. Они передаются с помощью описания фартучка (изначально он был *опрятным*, использование аффиксации с уменьшительно-ласкательной семантикой), сравнительного оборота, в состав которого входит эпитет *свежий*, противопоставления *мальчишек и девочки*, противопоставления *светящегося фартучка* до встречи с мальчишками и *грязного, в пятнах фартука* – после нее. Так, ценностный признак актуализируется аффиксами с диминутивным значением в лексемах *фартучек* – положительная коннотация, передаваемая суффиксом, *мальчишки* – отрицательная. В.А. Солоухин намеренно именует девочку *ромашкой*, чтобы показать ее невинность, слабость, трогательность, ранимость, невозможность противостоять внешним обстоятельствам.

Нередко цветок *ромашки* ассоциируется с весенним временем, когда ромашки украшают зеленый луг и лес, теплым летним солнцем [Русский ассоциативный словарь..., 1998, с. 152], что, безусловно, находим и в творчестве В.А. Солоухина, но в его лирике весьма устойчиво соседствующее положение ромашки с полем, а не лугом: «В траве – *ромашка, хлебный колос*» [Солоухин, 1990, с. 80], «*За поле ромашек, / За мой листопад!*» [Солоухин, 1990, с. 295]. Последний приведенный контекст коррелирует с течением человеческой жизни: в оппозиции *ромашка – листопад* первый компонент ассоциируется с активной жизнедеятельностью, молодостью, а второй – с закономерной зрелостью, постепенным увяданием, упадком сил. В этом плане весьма красноречив еще один контекст: «Отцветает сирень. *Осыпаются наземь ромашки. / Желтых листьев кружится медленный водоворот*» [Солоухин, 1990, с. 205] – строки из стихотворения «Сорок звонких капелей» – автобиографическое произведение, повествующее о сорока годах, прожитых автором. Об этом позволяет говорить год написания стихотворения – 1964, а В.А. Солоухин был рожден в 1924 году.

Автор часто напоминает о том, что *ромашка* – неотъемлемый элемент русской культуры, каждому русскому человеку близок этот цветок, в известной степени В.А. Солоухин его канонизирует: «*Людам, / Воспитанным на васильке и ромашке*» [Солоухин, 1990, с. 216], «*Нарушающих традиции и каноны, / (С точки зрения ромашки, с точки зрения березового листа)*» [Солоухин, 1990, с. 216]. Так, писатель считает *ромашку* символом России наряду с березой.

Как видим, *ромашка* играет большую роль в картине мира В.А. Солоухина, что, безусловно, предопределено значением данного цветка в языковой картине мира русского народа – образ ромашки многими воспринимается как символ России наряду с белоствольной березой. С ромашкой у автора ассоциируется как малая родина, так и вся Россия, в связи с чем он вводит филолексема *ромашка* и в автобиографические произведения, ведь тяжело представить просторы Владимирского края без *ромашек* – беззащитных, невинных, хрупких цветов, способных успокоить сердце и душу человека, идущего по тропинке, близ которой располагаются эти тихие растения.

Как и ромашка, близок В.А. Солоухину и цветок *василек*, обладающий скромным темно-голубым окрасом, произрастающий среди злаковых. В исследуемом сборнике он употребляется 9 раз, что составляет 9,7 % к числу репрезентантов в группе «Наименования цветочных растений», 3 % – к общему числу репрезентантов-фитонимов. Лингвисты не пришли к единому мнению о происхождении данной фитономинации. По мнению М. Фасмера и Преображенского, филолексема *василек* восходит к греческому языку [Фасмер, 1986], по указанию Брюкнера, при определении этимологического значения ис-

следуемого наименования полевого цветка следует обратиться к польскому слову *bazylika*: *Vazyli* = *Василий* [Фасмер, 1986, с. 277]. Как указывает Н.М. Шанский, что фитолексема *василек* – это древнерусская трансформация греческой лексемы *basilikon* ‘царский’ (цветок, растение), суффиксального производного от *basileus* ‘царь’ [Шанский, 1975, с. 34].

Однако о месте произрастания данного цветочного растения среди злаковых пород и голубом цвете споров не возникает как у ученых, так и в народном сознании, в связи с чем закономерен ассоциативный ряд, приводимый исследователями, в котором на номинацию *василек* возникают следующие реакции: «пшеница, ромашка, Вася» [Русский ассоциативный..., 1998]. Василек – это «однолетнее сорное растение семейства сложноцветных с красивыми темно-голубыми или светло-синими цветками, растущее преимущественно во ржи» [Словарь современного..., 1951, т. 2, с. 58], то вполне ожидаемо, что первые две реакции вызваны местом произрастания этого растения на злаковом поле, где можно также встретить ромашку.

Несомненно, в лирике В.А. Солоухина *василек* играет значимую роль. Из любви к васильку, как и к другим неприхотливым и неброским полевым цветам, олицетворяющим чистоту помыслов и красоту души деревенского жителя, его близость к природе, наблюдательность и поэтичность, вырастает любовь к малой родине, к своей родной земле, поэтому автору так важно показать красоту полевых цветов, их нежность и хрупкость. Изначально лирический герой планировал собрать букет, состоящий из цветов определенного вида (в современной фитотерминологии – монобукет), но для русского человека, выросшего в центральной полосе России, образ русской природы неразрывно связан с образом разнотравья, несущего в своей незамысловатой простоте ни с чем не сравнимое эстетическое наслаждение: «Постепенно я понял, / Что разных цветов сочетанье /... / Может сделаться праздником летних полуденных красок, / Может сделаться радостью» [Солоухин, 1990, с. 171].

Интересно, что в творчестве В.А. Солоухина образ *василька* несет локально-темпоральную информацию. Как отмечалось выше, этот цветок произрастает в полях среди злаковых растений, олицетворяя таким образом просторы малой родины автора: «Вот оно берется переспорить / Маленького в поле *василька*» [Солоухин, 1990, с. 71], «А может быть, / Во ржи крестьянской сирый *василек*» [Солоухин, 1990, с. 196]. Важно отметить, что при изображении данного цветка автор показывает его невинность и незащищенность, несмотря на это, он не одинок, всегда изображается во взаимодействии с другими растениями. Временем жизнедеятельности этого цветка считается лето, что четко отражено в поэзии В.А. Солоухина, кроме того автор конкретизирует месяц: «Надо немного условий: / Просто капельку вкуса / Или, может быть, капельку зренья – / И букет обеспечен. Хватает в июне цветов!» [Солоухин, 1990, с. 171]. Так, номинации цветов актуализируют значимость для русского народа такого времени года, как лето, что особенно важно для жителей деревень. Этот сезон ознаменован теплом, полевыми работами, возвращением и сбором урожая. Следует отметить, что фитолексема *василек* не характерна для текстов славянского фольклора, в т.ч. для обрядовых народных песен, что, по мнению Д.С. Лихачева, связано с возможным табуированием: «Рублевское сочетание – васильки среди спелой ржи. А может быть, голубое небо над полем спелой ржи? Все-таки васильки – сорняк, и сорняк слишком яркий, густо-синий, не такой, как в рублевской “Троице”. Крестьянин не признает васильки своими, и рублевский цвет не синий, а скорее небесно-голубой» [Лихачев, 1987, с. 171]. У В.А. Солоухина мы встречаем противоположное мнение, в поэзии *василек* – крестьянский цветок: «А может быть, / Во ржи крестьянской сирый *василек*» [Солоухин, 1990, с. 196]. Автор его показывает не только как полноправную составляющую мира земледельцев, но и как хрупкое, нежное существо, нуждающееся в любви, заботе, обладающее полным правом на полноценную жизнь.

В.А. Солоухин отводит важное место цветку *василька*, во многих контекстах употреблены колоронимы *голубой* или *синий*, солоухинский *василек* спорит о насыщенности своей окраски с морем. Образ *василька* и моря воспринимаются поэтом в рамках бинар-

ной оппозиции «свое – чужое», где василек – это олицетворение родного края и жизни, а море – это вода, испить которую невозможно, соответственно, безжизненная стихия: «Ни краев, ни совести у моря! / Густо засинеv доглубока, / Вот оно берется переспорить / Маленького в поле *василька*» [Солоухин, 1990, с. 71]. Кроме того, сам голубой цвет автор в своих лирических текстах называет *васильковым*.

Таким образом, можно подытожить, что *василек* в творчестве В.А. Солоухина – репрезентант деревенского пейзажа, русского поля, в образе *василька* сосредоточены черты, присущие дикорастущей, нерукотворной природе. Следует отметить, что в русскую литературу он пришел не из фольклора, а из западной романтической традиции.

Обратимся к *одуванчику*, о котором автор отзывается с особой любовью. Здесь показательно, стихотворение «Цветы», где говорится, что все цветы подчинены *одуванчику*: «Какой цветок я больше всех люблю, – / Пожалуй, назову я *одуванчик*» [Солоухин, 1990, с. 186], «Мне *одуванчик* ближе всех цветов. / За то, во-первых, что вполне *подобен солнцу*», «За то его люблю, что *вечно жметя к людям*» [Солоухин, 1990, с. 187], «Мой старый, добрый друг,» [Солоухин, 1990, с. 188]. Наименование *одуванчик* входит в подгруппу «Дикорастущие породы», которая выступает одной из составляющих ЛСГ «Наименования цветочных растений», употребляется в сборнике 7 раз, что составляет 7,5 % к числу репрезентантов в группе, 2,3 % – к общему числу репрезентантов. Эта лексическая единица является исконно русской: *одуванчик* – префиксно-суффиксальное производное леммы *дуть*. Фитолексема *одуванчик* отражает особенность растения – при созревании семянки при малейшем движении воздуха разлетаются в разные стороны, что дает возможность *одуванчику* активно распространяться [Фасмер, 1986, т. 3, с. 124].

Так, можно заключить, что только *одуванчик* из цветущих растений обладает способностью приближаться к небу. В творчестве В.А. Солоухина этот цветок в равной степени принадлежит небу: «За то, во-первых, что *вполне подобен солнцу*. / Как будто *солнце четко отразилось*» [Солоухин, 1990, с. 185] и людям: «За то его люблю, что *вечно жметя к людям*, / Что он *растет у самого порога*, / У старенькой *завалинки*, у *прясла* / И самый первый *тянется к ручонкам*» [Солоухин, 1990, с. 185]. Здесь примечательна цветопись: *желтый, золотой* цвет этого растения сопоставим с солнцем, этот колоритом традиционно связывают с весельем, озорством, доказательством чего служит фразеологизм *золотая пора*, обозначающий юный возраст, годы без забот. Стихотворение «Цветы» также является автобиографичным, о чем свидетельствуют строки: «За то, что сам я *сорок лет назад*, / Когда пришла пора увидеть землю, / Когда пришла пора увидеть солнце, / Увидел не тюльпаны, не нарциссы, /.../ А *одуванчик*» [Солоухин, 1990, с. 185], как известно, автор был рожден 14 июня.

При описании этого растения автор прибегает к языковым приемам: он награждает этот цветок эпитетами *скромный, маленький, добрый, наивный*; сравнивает с *солнцем*; использует олицетворение: *одуванчик жметя к людям, тянется к ручонкам*; наполняет его *солнцем, горечью, медом, теплом, добротой*, а значит, связывает с *жизнью*; называет *старым, добрым другом*. Привлечение в сферу метафоричности наименований человеческих жестов и телодвижений имеет реальную основу в движении *одуванчика*. Можно заключить, таким образом, что для автора это растение подобно человеку, близкому, родному. Кроме того, в этом цветущем растении заключена сама жизнь, преумноженная после смерти одного из представителей: «Срывал я *солнце голыми руками*. / Легко сдувал *пушистые головки*. / И опускались *легкие пушинки* / На землю, / *Чтобы снова расцвести*» [Солоухин, 1990, с. 185].

Несомненно, *одуванчик* играет большую роль в жизни автора, поскольку цветок связан с местом и временем рождения писателя. Это, скорее, личная симпатия, поскольку, кроме данного стихотворения, во всем сборнике фитоним *одуванчик* употребляется достаточно редко, в основном при перечислении разных дикорастущих цветов. Однако следует отметить, что В.А. Солоухин не отступает от традиционных представлений, где *одуванчик* символизирует жизнь и имеет неразрывную связь с солнцем.

Заключение

Как видим, фитолексемы *ромашка, василек, одуванчик* активно функционируют в лирике В.А. Солоухина, соотносясь с понятием любви: «Для нас, людей, – любовь, / А для травы или дерева – цветенье» [Солоухин, 1990, с. 186]. Наименования цветущих растений выступают одним из значимых фрагментов как солоухинской картины мира, так и языковой картины мира русского народа. В лирике В.А. Солоухина *ромашка, василек, одуванчик* неразрывно связаны с образом малой родины – Владимирского края, где разнотравье наполняет душу счастьем и любовью. Данные лексикографии и лирика исследуемого автора позволяют сделать вывод о том, что данный фрагмент действительности в лирике В.А. Солоухина не ограничивается только словесным изображением, на него накладываются ассоциативные, сочетаемостные и фразеологические смыслы.

Автором впервые анализируется функционирование наименований дикорастущих цветочных растений – единиц языка, играющих, несомненно, важную роль в языковой картине мира славянского этноса, репрезентирующих древнейшие представления народа, в том числе мифологические и фольклорные, в контексте лирического творчества В.А. Солоухина.

Список источников

- Анненков Н.И. 1978. Ботанический словарь. Справочная книга для ботаников, сельских хозяев, садоводов, лесоводов, фармацевтов, врачей, дрогистов, путешественников по России и вообще сельских жителей. СПб., Типография Императорской Академии Наук, 645 с.
- Брэм А. 2010. Жизнь растений. Новейшая ботаническая энциклопедия. М., Эксмо, 976 с.
- Буслаев Ф.И. 1861. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. В 2-х т. Т. 1: Русская народная поэзия. СПб., Издание Д. Е. Кожанчикова, 643 с.
- Веселовский А.Н. 1939. Из поэтики розы. В кн.: Веселовский А.Н. Избранные статьи. Л., ГИХЛ: 132–139.
- Лихачев Д.С. 1987. Избранные работы. В 3 т. Т. 2: Великое наследие. Смех в Древней Руси. Заметки о русском. Л., Худож. лит., 496 с.
- Русский ассоциативный словарь. 1998. В кн. 5: Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть III. Под ред. Ю.Н. Караулова, Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова, Н.В. Уфимцевой, Г.А. Черкасовой. М., ИРЯ РАН, 204 с.
- Словарь современного русского литературного языка. 1951. В 17-ти т. Под ред. В.И. Чернышёва. Т.2. М., Л., Изд-во АН СССР, 960 с.
- Солоухин В.А. 1990. Стихотворения. М., Советская Россия, 384 с.
- Фасмер М. 1987. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. Пер. с нем. О.Н. Трубачева. Под ред. Б.А. Ларина. Т. 3: Муза – Сят. М., Прогресс, 832 с. (Vasmer M. 1950. Russisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, Universitätsverlag Carl Winter)
- Феофраст. 1951. Исследование о растениях. Пер. с др.-греч. М.Е. Сергеенко. Под ред. И.И. Толстого. М., Из-во Академии наук СССР, 589 с. (Θεόφραστος. Περὶ φυτῶν ἱστορίας. Ed. A. Hort 1916. Theophrastus. Enquiry into plants. I–II, London)
- Черных П.Я. 1999. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2-х т. Т. 1. А-Пантомима. Под ред. Ж.Ж. Варбота. М., Русский язык, 624 с.
- Шанский Н.М. 1975. Краткий этимологический словарь русского языка. М., Просвещение, 543 с.

Список литературы

- Бурмистрова Т.Н. 2008. Сакральная фитонимия: лингвокультурологический аспект. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 24 с.
- Галицына Е.Г. 2015. Особенности изучения лексической группы фитонимов (на материале фитонимов древнеанглийского языка). Молодой ученый, 10-5 (90): 36–37.
- Дмитриева Н.Л. 2000. Роза у Пушкина и Тургенева. Русская литература, 3: 101–105.
- Дьяченко Ю.А. 2010. Фитонимическая лексика в художественной прозе Е.И. Носова. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 18 с.
- Летова А.М. 2012. Семантические особенности фитонимов в русском фольклоре. М., 198 с.

- Пазынин В.В. 2005. Образы деревьев в русской народной лирике (в проблеме ассоциативного наполнения). Дис. ... канд. филол. наук. М., 170 с.
- Писарская Т.Р., Якименко Н.Е. 2017. Паремии с компонентом - фитонимом как объект лингвокультурологического описания. В кн.: Новое в лингвистике и методике преподавания иностранных и русского языков. Сборник научных статей XXVII Международной научно-практической конференции, г. Санкт-Петербург, 23-24 июня 2017 года. Под общ. ред. М.В. Пименовой. СПб., Изд-во СПбГЭУ: 88-92.
- Щербakov С.А. 2011. Флористические образы и мотивы в русской поэзии XX века. М., Московский госуниверситет леса, 171 с.
- Powell C. 1977. The Meaning of Flowers. A Garland of Plant Lore and Symbolism from popular Custom & Literature. London, Jupiter Books, 181 p.

References

- Burmistrova T.N. 2008. Sakral'naja fitonimija: lingvokul'turologičeskij aspekt [Sacred Phytonymy: Linguistic and Cultural Aspect]. Abstract diss. ... cand. philol. Sciences. Ekaterinburg, 24 p.
- Galicyna E.G. 2015. Osobennosti izuchenija leksičeskoj gruppy fitonimov (na materiale fitonimov drevneanglijskogo jazyka) [Features of the study of the lexical group of phytonyms (based on the phytonyms of the Old English language)]. Molodoj učenij, 10-5 (90): 36–37.
- Dmitrieva N.L. 2000. Roza u Puškina i Turgeneva [Rose at Puškin and Turgenev]. Russkaja literatura, 3: 101–105.
- D'jachenko Ju.A. 2010. Fitonimičeskaja leksika v hudozhestvennoj proze E.I. Nosova [Phytonymic vocabulary in E.I. Nosov]. Abstract dis. ... cand. philol. Sciences. Kursk, 18 p.
- Letova A.M. 2012. Semantičeskie osobennosti fitonimov v russkom fol'klоре [Semantic features of phytonyms in Russian folklore]. М., 198 p.
- Pazyнин V.V. 2005. Obrazy derev'ev v russkoj narodnoj lirike (v probleme asociativnogo napolnenija) [Images of trees in Russian folk lyrics (in the problem of associative content)]. Dis. ... cand. philol. Sciences. М., 170 p.
- Pisarskaja T.R., Jakimenko N.E. 2017. Paramouses with the component-phyton as a object of linguiscultural description. In: Novoe v lingvistike i metodike prepodavanija inostrannyh i russkogo jazykov [New in Linguistics and Methods of Teaching Foreign and Russian Languages]. Ed. M.V. Pimenova. SPb., Publ. SPbGJeU: 88–92.
- Shherbakov S.A. 2011. Florističeskie obrazy i motivy v russkoj poezii XX veka [Floral images and motifs in Russian poetry of the twentieth century]. М., Publ. Moskovskij gosuniversitet lesa, 171 p.
- Powell C. 1977. The Meaning of Flowers. A Garland of Plant Lore and Symbolism from popular Custom & Literature. London, Jupiter Books, 181 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of Interest: No potential conflict of interest reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кушнир Ксения Игоревна, ассистент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Воронежский государственный технический университета, г. Воронеж, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ksenia I. Kushnir, assistant of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Voronezh State Technical University, Voronezh, Russia